

## ОДУХОТВОРЁННЫЙ ПОЭЗИЕЙ И МУДРОСТЬЮ ВОСТОКА

*Саяпова А.М. Диалог творческого сознания А.А. Фета с Востоком (Фет и Хафиз).* – М.: Флинта: Наука, 2010. – 168 с.

Духовно-творческие отношения русской литературы с восточной поэтической традицией – сложнейшая и мало изученная в литературоведении проблема. В отличие от западноевропейских влияний, которые почти всегда отчётливо осознавались в русской литературе XVIII – XIX вв., «восточный исток» её художественных достижений оставался скрытым, подспудным, почти никогда явно не рефлексировался ни самими художниками, ни литературоведами.

Между тем такой духовный «диалог» с Востоком был буквально предопределён, если учесть устойчивый интерес в русской культуре к художественным достижениям Китая, Японии, Персии, Византии. Инициированный поначалу декоративно-прикладным искусством, этот интерес в XIX веке приобрёл более изощрённые и глубокие проявления. Одно из них – поэтические и философские традиции Востока, «переплавленные» в сознании русских поэтов. А. Фет в этом плане – одна из ключевых фигур русской поэтической школы. Через его стихи дух Востока впервые наиболее осознанно и последовательно проник в русскую поэзию.

Исследованию данного процесса посвящена монография А.М. Саяповой. Она предприняла плодотворную попытку частичной реконструкции художественного сознания А. Фета. Предметом исследования стали те его слои, формирование которых происходило в сложнейшем глубинном диалоге с художественным сознанием восточных поэтов и философов, особенно Хафиза и Ибн Араби. Теоретико-методологическая установка на исследование структуры диалогических отношений художественных сознаний является принципиальной для автора работы и концептуальнообразующей. Исследуется не просто «влияние», не просто освоение и присвоение художественных принципов и поэтики Востока, но и рождение собственного художественного мировидения русского поэта в результате сложнейшей и разнообразной трансформации восточных традиций, в отгалкивании от них, преодолении, качественно новом типе интериоризации сознанием Фета. Поэтому основной целью исследования становится не столько обнаружение каналов, способов и условий для подобного диалога, сколько стремление оттенить и выразить в научном представлении ту неповторимую оригинальность и своеобразие, что отличали Фета в ряду русских поэтов XIX века. При этом А.М. Саяповой удалось убедительно воссоздать те культурно-генетические истоки, что породили особенности поэзии Фета.

И сама проблема, и способ её решения представляются чрезвычайно сложными, свидетельствуют об исследовательской смелости и стремлении перевести проблему культурных и литературных влияний на качественно иной уровень. Следует констатировать, что поиск новых подходов оказался весьма продуктивным. Монография получилась оригинальной и концептуальной.

Главное, что характеризует подход её автора к творчеству Фета, к реконструкции «восточного фона» его сознания, это вероятностное видение предмета. Диалог с Востоком проанализирован как равновозможный, осуществлявшийся через целый ряд культурных «каналов», вносящих в этот диалог свои искажающие и обогащающие грани и оттенки. В качестве таких источников рассмотрены и переложения Фетом стихов Хафиза, и некоторые аспекты восточной поэтики, воспринятые Фетом в том числе и через Хафиза, и общий фон интереса русского романтизма к Востоку, и влияния немецкой поэзии и философии (Гейне, Шопенгауэр) на сознание Фета, и собственный строй его поэзии, а также особенности мироотношения и эстетических принципов.

Тщательно воссоздавая и убедительно аргументируя анализами стихов, сведениями из биографии все перечисленные условия и способы диалога Фета с Востоком, исследовательница не ставит невыполнимой цели – воссоздать всю структуру и уровни такого диалога. Но ей удаётся вычленить из этого многомерного и во многом интуитивного «вслушивания» и «вглядывания» Фета в Восток те образования, что способствовали формированию наиболее важных, системообразующих качеств его художественного сознания. Это и преодоление дистанции между художественными субъектом и объектом, что обеспечило мистическую и пантеистическую причастность поэта к бытийным основам мироустройства. Это и бессознательная ориентированность на прошлое, в том числе на архаические формы восточного мышления. В свою очередь, эта способность открыла для Фета многомерность сущего, помогла ему умозреть «сущностный источник»... В исследовании убедительно доказано, что эти наиболее глубинные структуры сознания Фета сформировали у него специфическую картину мира, ориентированную в большей степени на Восток, нежели на Запад. Поэтому мир представлялся поэту существующим сам-по-себе, а художник виделся погружённым в поток этого самоосуществляющегося мира.

Очень интересны наблюдения А.М. Саяповой за процессом трансформации этих структур сознания в образную систему стихов Фета. Этот процесс, как выяснила исследовательница, также имел яркую «восточную окраску». Иногда очень отчётливую. Например, в тех случаях, когда Фет использовал приёмы восточной поэтики: парные образы, аллегии, приёмы копуляции, параллелизма, принципы интонационной организации стиха и т. п.

Но особенно интересные процессы, сопровождавшие интериоризацию традиций Востока, исследовательнице удалось выявить, прослеживая в поэзии Фета способы символизации. Она убедительно доказывает, что в рождении ключевых символов участвуют отголоски суфийских представлений. Именно они формируют основные черты осознания поэтом своего места в мире, влияют на размышления о предназначении поэзии. Анализ художественно-творческих трансформаций традиционных для Востока образов соловья и розы позволяет А.М. Саяповой убедительно доказать, что основополагающие представления поэта о красоте-

любви, истине, служении Всевышнему, причастности природе, изживании себя в творчестве рождаются у Фета на основе переосмысления важнейших образов и художественных приёмов суфийской традиции, воспринятой в первую очередь через поэзию Хафиза.

Все рассмотренные в работе образы-символы предстают, по сути дела, вторым слоем художественно-образного сознания Фета и характеризуют его как творческую личность, способную формировать собственную художественную концепцию, опираясь при этом на восточную традицию, традицию романтизма, философские, поэтические источники, сплавления всё это в своём творчестве и отталкиваясь от них же. Так формируются некие универсальные художественно-философские ориентиры творчества Фета, что управляют им и направляют его творческие искания. Восточный посыл поэзии в этом случае выступает как условие некоего «самоотчуждения» поэта. Он смотрится в традицию, как в подобие искажающего зеркала, где узревает собственный лик неповторимого художника. И эта позиция становится отчасти роковой для него, как для античного Нарцисса, поскольку порождает тот отличающий Фета феномен, что исследователями назван «равнодушием к жизни» и который сопряжён с постоянным стремлением изжить себя в творчестве.

Но А.М. Саяпова не останавливается на этом этапе исследования. Последняя глава книги представляет особый интерес в научном плане, поскольку здесь предпринята чрезвычайно плодотворная попытка реконструировать уже не отдельные составляющие художественного сознания Фета, а проследить, как это сознание трансформируется в формы художественного мышления. Благодаря анализу образов, словесно-грамматической «ткани» стиха, поэтических приёмов стихотворения «На кресле отвалюсь, гляжу на потолок...» исследовательнице удаётся отчасти воссоздать интенциональный строй художественного сознания Фета, а также процессы его образно-словесной рефлексии. Такого рода анализ подводит автора монографии к интересным наблюдениям о спонтанно формирующейся концепции поэта, той, что рождается уже непосредственно в процессе создания стиха. Оказывается, что и у этой концепции, которая выглядит такой свежей и неповторимой, есть отголоски-переключки и с восточной, и с русской традицией. Так, образ воспоминания, способного пробуждать фантазию и порождать представляемые миги бытия, переключается не только с мотивами пушкинской поэзии и поэзии его поры, но и с представлением восточных и западных поэтов и философов о приобщённости субъекта к потоку бытия, к его «сущностному источнику», к способам его самоосуществления в диалоге «я – ты», что приводит, в свою очередь, к переживанию воспоминания как цепи мимолётностей.

Так А.М. Саяповой удаётся подойти к характеристике, условно говоря, третьего слоя художественного сознания Фета: к его процессуально-динамическому переходу в формы мыслительной активности. Изучение «интенциональной настроенности» в этом случае становится условием для такого перехода. Для анализа «интенционального поля» мыслительной активности создана и апробирована весьма оригинальная технология, опирающаяся на феноменологические послылы и образно-лингвистический анализ словесной ткани стиха.

Вышеизложенное, несомненно, свидетельствует о высокой научной результативности предпринятого исследования. Тщательно продуманная система

аргументации убеждает в справедливости важнейших положений концепции о том, что А.А. Фет не только освоил, но и присвоил интереснейшие грани восточного мировидения и поэтического мышления, соединив их и с русской поэтической традицией, и со своими собственными творческими устремлениями. Эта основная идея монографии позволяет увидеть поэзию А.А. Фета как один из «каналов», через который традиции восточной поэзии входили в поэтическое сознание России, переживали там своё второе рождение.

*Е.В. Синцов,  
Казанский государственный  
энергетический университет,  
г. Казань*